

поэт Владимир Канделаки

ЧЕТВЕРГ, 4 АПРЕЛЯ,

1 ПРОГРАММА, 15.15;

1 «ЗС» — 12.15; 1 «ВС» — 12.15;

1 «ДВ» — 3.15

ИСКУССТВО НАРОДНОГО АРТИСТА СССР ПЕВЦА, АКТЕРА КИНО, РЕЖИССЕРА И, ЧТО НЕ МЕНЕЕ ВАЖНО, ПРОСТО ВЕСЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА ВЛАДИМИРА КАНДЕЛАКИ ПРОНИЗАНО ЖИЗНЕЛЮБИЕМ И ЗАРАЗИТЕЛЬНЫМ ЮМОРОМ. В СВЯЗИ С ТЕМ, ЧТО НА ЭТОЙ НЕДЕЛЕ ПРОЗВУЧИТ ПЕРЕДАЧА «ПОЕТ В. КАНДЕЛАКИ», МЫ ПОПРОСИЛИ ВЛАДИМИРА АРКАДЬЕВИЧА ОТВЕТИТЬ НА НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ.

— Обычно все интервью начинаются стереотипными «когда, где, почему и как?» Так вот, Владимир Аркадьевич, когда вы решили стать певцом, где вы учились, почему стали актером музыкального театра и как впервые выступили на сцене?

— Что ж, придется отвечать по порядку, хотя на все эти «как» и «почему», в сущности, один ответ: «Одна, но пламенная страсть» к музыке. Я не помню, когда впервые услышал волшебные, таинственные и сразу запомнившиеся звуки музыки П. И. Чайковского. Это были первые такты «Евгения Онегина». Буквально с детства я увлекся музыкой и ни о чем ином не мечтал. Учился в Тбилисской консерватории на вокальном отделении у профессора Е. А. Вронского, известного в свое время певца; потом (в 1928—1932 годах) в ГИТИСе — был там тогда оперный курс — у М. В. Владимировой, в прошлом блестящей певицы. Со второго курса ГИТИСа меня и «забрали» в Музыкальный театр имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Вот так с 1929 года, сорок пять лет назад, я начал свою актерскую и певческую, а потом и режиссерскую деятельность.

— А все-таки вы еще не рассказали, какая же роль была самой-самой первой?

— Это целая история. Роль-то была крошечная. Зато запомнилась, как и бывает в таких случаях, на всю жизнь. Первое мое появление на сцене было смешное. Когда я еще учился в Тбилиси и было мне лет восемнадцать, оперный театр взялся поставить... «Сильву». Пели опереточных героев «солидные» оперные певцы, а мне выпало на долю сыграть роль Ронса, благоразумного отпрыска гордого семейства князей Воляпюк. И последняя фраза роли: «Я буду ждать тебя внизу» — после спектакля распевалась на все лады всеми моими многочисленными знакомыми, где бы они меня ни встречали. В общем, совсем задрезали. Конечно, любя, по-хорошему.

— Ваши роли в театре и кино — любимые и не особенные?

— В общем-то, принято говорить, что нелюбимых ролей не бывает. Но не буду кривить душой: была такая, к которой я по-человечески неважно относился. В фильме «26 бакинских комиссаров» играл я полковника-белогвардейца, человека коварного и безжалостного. Сами понимаете, о какой симпатии тут могла идти речь? А в остальном, я считаю, мне просто повезло. Были у меня две роли особенно любимые: это Сторожев в опере Т. Хренникова «В бурю» и Тарас в «Семье Тараса» Д. Кабалевского. Роли полярно противоположные: если пользоваться привычными эпитетами, то первая из них — абсолютно «отрицательная», вторая — необыкновенно «положительная». Но обе партии написаны с таким мастерством музыкальных характеристик, что работать над ними мне как певцу и актеру было интересно. Да и в кино мои герои в «Поколении победителей» (ссылный большевик Нико) и в «Парне из нашего города» (танкист Ваню Гулиашвили) были мне очень симпатичны. Многому я научился у великих актеров Хмелева и Щукина, с которыми снимался в 1936 году в первом моем фильме, а Николай Крючков и Лидия Смирнова, с которыми мы подружились в 1941 году на съемках «Парня из нашего горо-

да», и сейчас мои хорошие друзья.

— Скажите, пожалуйста, кто ваш любимый композитор?

— Пуччини с его колоссальной музыкальной драматургией. Партия злодея Скарпия в «Тоске», которую я и ставил, — одна из самых любимых. В «Чио-Чио-Сан» пел консула, а еще во время учебы — одного из героев в одноактной опере «Плащ». Из русских классиков — Чайковский, Мусоргский. Из советских композиторов, как я уже говорил, — Кабалевский, Хренников. И Дунаевский, с которым мы были очень дружны. Я считаю его нашим Штраусом. Ну и, конечно, вечно юные maestro классической оперетты.

— Какие качества в актере музыкального театра вам особенно импонируют как партнеру по спектаклю и как режиссеру?

— Видите ли, музыкальный театр — это театр синтетический. Тут надо не просто хорошо петь, но и уметь создать убедительный сценический образ, отработать все до мельчайших деталей. И если певец-актер заштамповывается, он не растет творчески, с ним неинтересно работать режиссеру, партнеру, на него просто неинтересно смотреть зрителю. Сегодня он играет дряхлого старца, завтра — идеального героя, а еще через день предстает в образе какого-нибудь чудака. И самое ценное — полная творческая отдача, взаимопонимание между партнерами, контакт с публикой. Тогда действительно чувствуешь, что ты можешь делать все.

— И, наконец, познакомьте, пожалуйста, читателей с вашими недавними работами и творческими планами.

— Конечно, я продолжаю работать в театре. Не далее, как послезавтра, у меня спектакль. Много ставлю. Только что вернулся из Петрозаводска, где поставил мюзикл «Проделки Ханумы». В Харькове недавно поставлены «Перикола» и «Граф Люксембург». Этой осенью меня приглашают в Днепрпетровск, в новый оперный театр, на постановку «Летучей мыши». А у «себя» в театре буду делать «Цыганского барона».

Беседу записала М. БАБАЕВА.